

---

---

**ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:  
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

---

---

**КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ  
НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

© 2019 г. И. Зуенко, С. Иванов, А. Савченко

*ЗУЕНКО Иван Юрьевич, научный сотрудник,  
Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) ДВО РАН, РФ, 690001 Владивосток, ул. Пушкинская, 89  
(zuenko@ihaefe.ru).*

*ИВАНОВ Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,  
Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) ДВО РАН, РФ, 690001 Владивосток, ул. Пушкинская, 89  
(ivanovs@ihaefe.ru).*

*САВЧЕНКО Анатолий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,  
Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) ДВО РАН, РФ, 690001 Владивосток, ул. Пушкинская, 89  
(savchenko@ihaefe.ru).*

Статья поступила в редакцию 24.06.2019.

На базе полевых исследований проведен анализ деятельности китайского капитала на юге Дальнего Востока. Выявлен масштаб, отраслевое распределение и ключевые тренды китайского экономического присутствия в приграничных с КНР регионах РФ. Показано, что ослабевающие конкурентные преимущества инвесторов из КНР, экономическая политика в РФ и приход крупных российских компаний стимулируют вытеснение китайских инвесторов из традиционных сфер хозяйствования на Дальнем Востоке.

**Ключевые слова:** Россия, Китай, Дальний Восток, инвестиции, китайский капитал, региональное развитие.

**DOI:** 10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113

С начала 2010-х годов Китай входит в тройку крупнейших инвесторов мировой экономики<sup>1</sup>. Идеологически Пекин связал свою зарубежную экспансию с инициативой “Пояс и путь”, сформировав ожидания его высокой активности на евразийском пространстве. При этом Пекин рассматривает РФ как важного партнера [3]. По китайским данным, в 2017 г. Россия замыкала десятку стран с наибольшими накопленными объемами инвестиций из КНР (около 13.9 млрд долл.) и была лидером среди стран, которых относят к “Поясу и пути” [4].

Дальний Восток (ДВ)<sup>2</sup> России – традиционный центр притяжения китайской деловой активности. Выделяют несколько ключевых факторов, способствующих притяжению инвестиционных потоков: географическая близость, накопленный опыт сотрудничества [5], различия в экономическом развитии [6]. Все они оказывают влияние и на экономические связи ДВ и КНР: 4 тыс. км общей границы, богатая история приграничных контак-

тов, значимая разница в промышленном потенциале приграничных регионов<sup>3</sup>. Исследования подтверждают особый интерес предпринимателей из КНР к первичному сектору экономики соседних с КНР регионов [8, 9].

Хотя правительство РФ поощряет китайскую деловую активность в восточных районах страны, на региональном уровне на этот счет существуют опасения. Так, в Программе развития приграничных районов Хабаровского края в разделе “Обеспечение безопасности” говорится о рисках, связанных с продвижением китайского капитала на север и северо-восток страны [10]. В Стратегии развития Еврейской автономной области (ЕАО) до 2030 г. указывается на риск повышения зависимости от капитала КНР и угрозу “агрессивной миграционной и экономической политики сопредельных китайских регионов” [11]. Комплексных исследований, подтверждающих такие опасения или хотя бы отражающих ключевые характеристики китайского присутствия в экономике региона, пока нет.

---

<sup>1</sup> В 2018 г. прямые зарубежные инвестиции КНР (без Гонконга и Макао) составили около 130 млрд долл. В мировом рейтинге доноров прямых капиталовложений Китай, если исключить статистику офшоров и налоговых гаваней, с 2012 г. делит 2–3 позицию с Японией, уступая лишь США [1, 2].

<sup>2</sup> Имеется в виду Дальневосточный федеральный округ в его старых границах (до вхождения в него в ноябре 2018 г. Забайкальского края и Бурятии).

---

<sup>3</sup> Достаточно вспомнить различия инвестиционных проектов двух стран в Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. В рамках программы в восточных районах России должны были разрабатываться природные ресурсы, а в северо-восточных провинциях Китая создаваться мощности с высокой добавленной стоимостью [7, сс. 153–154].

Статья направлена на заполнение этой лакуны. Ее цель – оценить выгоды и риски китайского экономического присутствия в ключевых отраслях экономики Дальнего Востока России. Оценка базируется на анализе данных, предоставленных федеральными и региональными органами власти по запросам авторов, а также на интервью с представителями государственных и муниципальных ведомств, бизнеса и экспертного сообщества, собранных в 2014–2016 гг. и в январе–марте 2019 г.

### КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ ПРИСУТСТВИЯ КИТАЙСКОГО КАПИТАЛА

По данным ЦБ РФ, масштаб китайских инвестиций в экономику ДВ относительно невелик. На октябрь 2018 г. в общем объеме прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ДВ на Китай приходилось не более 0.1%. Более того, по сравнению с январем 2015 г. абсолютные объемы китайских ПИИ сократились с 72 до 66 млн долл., в результате их доля в регионе сократилась в два раза.

Такой результат отчасти объясняется методологией расчетов ЦБ РФ, не учитывающей инвестиции малого бизнеса и неформальную деловую активность и не позволяющей отслеживать конечного инвестора в офшорных схемах. В 2019 г. в Приморском крае Центробанк собирает информацию по 14 предприятиям с китайским капиталом (ПКК) [12], оставляя “за кадром” целый ряд значимых для экономики края компаний (таких, например, как ООО “Елена”, “Зеленое поле”, “Золотой дракон”, “Трива” и др.). Очевидно, что реальный объем привлеченных инвестиций превышает данные официальной статистики.

Если наша официальная статистика занижает объемы ПИИ из КНР, то публичные заявления китайских инвесторов, их российских партнеров или чиновников обеих стран, напротив, превышают планку. Так, по словам посла Китая в России Ли Хуэя (март 2018 г.), компании из КНР намерены вложить в ДВ более 30 млрд долл. [13]. Объем китайских инвестиций в территории опережающего развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток (СПВ), рассчитанный в соответствии с заявлениями инвесторов, должен превысить 170 млрд руб.<sup>4</sup>

В Китае планы по инвестиционной деятельности компаний на ДВ также не всегда отражают реальное положение дел. Согласно статистике одного только городского округа Муданьцзян (провинция Хэйлуцзян), к концу 2018 г. на территории ЕАО, в Хабаровском и Приморском краях китайские компании создали 13 “Зон торгово-экономическо-

го сотрудничества”, куда якобы вложены 6.07 млрд юаней (около 918 млн долл.) [14].

Завышенные ожидания порождают и сомнительные инициативы российской стороны. Так, в 2018 г. в районе им. Лазо (Хабаровский край) российская компания заявила о намерении привлечь китайский капитал для того, чтобы взять в аренду 100 тыс. га заболоченных земель для их последующей культивации и выращивания бобовых культур [15]. Планы вызвали широкий общественный резонанс, однако до реализации они так и не дошли, а предполагаемый китайский инвестор вообще отрицает участие в проекте<sup>5</sup>.

Отсутствие достоверной информации наряду с традиционными представлениями о “китайской угрозе” создают питательную среду для алармистских настроений, затрудняющих деятельность инвесторов и в ряде случаев блокирующих проекты. Характерным примером является нашумевшая весной 2019 г. ситуация с запретом строительства завода по бутилированию байкальской воды в поселке Култук Иркутской области.

### ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА КИТАЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ

Имеющиеся данные о размещении инвестиций по отраслям и территориям ДВ не позволяют говорить о “китайской экспансии”. Капитал из КНР сконцентрирован лишь в отдельных регионах юга Дальнего Востока (Приморский край, Амурская область, ЕАО)<sup>6</sup>. Как правило, это средние и малые компании в сельском и лесном хозяйстве, строительстве, добыче полезных ископаемых, сфере услуг и производстве морепродуктов. Инвестиции в перерабатывающие отрасли (производство обуви, одежды, металлообработка, деревообработка) относительно невелики. Их динамика во многом зависит от внешних факторов (конъюнктуры мировых цен, таможенного законодательства, возможности завозить китайскую рабочую силу). Инвестиции же в высокотехнологичное производство практически отсутствуют.

**Сельское хозяйство.** Масштабы и динамика деятельности китайского агробизнеса заметно различаются по регионам ДВ. В Приморье до 2015 г. на китайский и корейский бизнес приходилось до 25% всех обрабатываемых земель [16] и значительная часть свиноводческой продукции. В крае работало самое крупное на ДВ сельскохозяйственное ПКК – ООО “Армада”. В первой половине 2010-х

<sup>5</sup> Интервью с управляющим ПКК в Приморском крае, 29.01.2019.

<sup>6</sup> Внутри регионов фиксируется значительная дифференциация в размещении китайского капитала, ее оценка – предмет отдельного исследования.

<sup>4</sup> Интервью с чиновником федерального органа власти в Приморском крае, 18.01.2019.

годов оно вместе с аффилированными компаниями обрабатывало до 40 тыс. га<sup>7</sup>, или почти 10% посевных земель Приморского края [17, с. 667]. Однако к началу 2019 г. присутствие инвесторов из КНР в сельском хозяйстве региона значительно сократилось. На предприятия с китайским капиталом сейчас приходится лишь около 5% всех посевных площадей края [18, с. 22]. Их место заняла крупная российская группа компаний “Русагро”, выкупившая через дочернюю фирму большую часть земель и сельхозтехники “Армады”<sup>8</sup>. Китайский бизнес потерял позиции в свиноводстве, выращивании сои и кукурузы, но остается ключевым производителем овощей и риса.

В Амурской области ситуация иная. Здесь аграрные ПКК практически отсутствуют в силу двух основных причин: традиционно активного протекционизма местных властей<sup>9</sup> и обнуления квот на китайский труд в сельском хозяйстве области в начале 2010-х годов. Без работников из КНР китайские компании оказались не готовы работать на территории Амурской области. Сегодня они присутствуют в сельском хозяйстве региона преимущественно в качестве скупщиков сои. Неформальную субаренду земель китайскими гражданами [19] в ходе полевых исследований (февраль 2019 г.) выявить не удалось.

В Еврейской же автономной области китайский капитал, напротив, доминирует. По официальным данным, в 2014–2018 гг. площадь посевных земель, арендуемых здесь китайскими сельхозпроизводителями, увеличилась с 27.1 до 58.4 тыс. га (36.5% всех посевных площадей ЕАО) [20]. С учетом неформальной субаренды китайский бизнес обрабатывает до 80% посевных земель области [21]. Ее сельскохозяйственное производство развивается на китайские деньги и с учетом конъюнктуры китайского рынка. Структура производства становится монокультурной, правила севооборота не соблюдаются, все мощности отданы под производство сои [22, с. 57]. Возникает реальная угроза для долгосрочного развития сельского хозяйства области. В случае ухудшения конъюнктуры цен на сою или изменения политики КНР по ее закупкам, российские производители останутся без рынка сбыта, с истощенными землями и без средств на их рекультивацию.

**Лесное хозяйство.** В отличие от сельского в лесном хозяйстве характер присутствия китайского бизнеса не имеет значимых различий по террито-

риям региона. Всюду экспорт круглого леса дает наибольшую прибыль, поэтому экономические стимулы для развития глубокой переработки древесины отсутствуют [23]. Китай не заинтересован в закупках переработанной продукции, поскольку в его приграничных провинциях созданы мощности по лесопереработке импортируемого из России кругляка<sup>10</sup>.

В сферу лесозаготовок капитал и рабочая сила из КНР, как правило, не допускаются. Однако китайские предприниматели занимают важную нишу в лесной отрасли, осуществляя закупку древесины и контроль ее качества до отправки в КНР. В Приморском крае из 402 действующих пунктов приема древесины 38 принадлежат компаниям с участием китайского капитала [24]. На неформальной основе китайские предприниматели контролируют большинство пунктов приема древесины, организовав на них примитивную переработку (лесопилки)<sup>11</sup>.

Компания *Russian Forest Products*, на которую приходится около 20% всех переданных в аренду лесных массивов ДВ, остается единственным успешным примером привлечения институционального инвестора из КНР. Основное направление деятельности компании – экспорт круглого леса в Китай. По этому показателю *Russian Forest Products* занимает первое место в России и третье – в мире, кроме того, она создает мощности по глубокой лесопереработке и экспорту продукции на японский рынок<sup>12</sup>.

В лесной отрасли ЕАО, как и в сельском хозяйстве, доминирует китайский капитал. Более 60% арендуемых лесных угодий области (свыше 230 тыс. га) приходится на компании с китайским капиталом<sup>13</sup>.

**Строительство.** Компании с китайскими инвестициями есть только в крупных городах Дальнего Востока<sup>14</sup>. В Благовещенске работают четыре крупных китайских компании (“Чжэнь Син”, “Хуа Дун”, “Хуа-Син”, “Хуафу”). В 2015–2018 гг. на них приходилось, по оценкам, от 5 до 12% всего введенного организациями Приамурья жилья (без индивидуального жилищного строительства). Во Владивостоке крупным инвестором стала ООО

<sup>10</sup> Интервью с предпринимателем, чиновником муниципалитета в Приморском крае, 4–5.02.2019.

<sup>11</sup> Сходная ситуация наблюдалась в Забайкальском крае в конце 2000-х годов; см.: [23, сс. 140–141].

<sup>12</sup> Примечательно, что так же поступают и компании, ориентированные на Японию, например, ОАО “Терней-лес” (интервью с управляющим ПКК в Хабаровском крае, 27.02.2019).

<sup>13</sup> Интервью с чиновником региональной администрации ЕАО, 12.02.2019.

<sup>14</sup> Данные в отношении деятельности китайских строительных компаний получены в ходе переписки с официальными ведомствами.

<sup>7</sup> Интервью с управляющим ПКК в Приморском крае, 14.05.2005.

<sup>8</sup> Интервью с управляющим ПКК в Приморском крае, 07.02.2019.

<sup>9</sup> Интервью с бывшим чиновником региональной администрации Амурской области, 17.02.2019.



“Армада”, доля которой в 2015–2016 гг. достигала 6–8%. В Биробиджане лидирующие позиции занимает ООО “Стройэллитсервис”.

ПКК в сфере строительства, как правило, не используют для ведения бизнеса заемные средства из Китая, а привлекают средства в рамках долевого строительства. Есть основания полагать, что их активность будет снижаться. Тому есть две основные причины: 1) бизнесу все сложнее привлекать китайскую рабочую силу; 2) новые правила долевого строительства требуют наличия депозитов в российских банках и соблюдения более жестких юридических и финансовых процедур<sup>15</sup>.

**Добыча природных ресурсов.** Китайское присутствие в этой сфере незначительно. Наиболее крупным проектом, реализуемым китайским инвестором (ООО “Хэмэн–Дальний Восток”), стала разработка Южно-Хинганского железорудного месторождения, инициированная еще в 2006 г. Несмотря на утверждение компании из КНР о том, что к началу 2018 г. она инвестировала 1 млрд руб. [25], официально эти инвестиции не зарегистрированы, а сам проект до сих пор находится на начальной стадии реализации: подготовлена проектная документация, построена подъездная дорога и началось вскрытие шахтного поля. У экспертов вызывает сомнения рентабельность разработки этого месторождения в условиях неразвитости транспортной инфраструктуры [26].

Кроме того, несколько компаний с китайским капиталом добывают небольшие объемы россыпного золота в Амурской и Еврейской автономной областях. Предприятия нередко прибегают к хищнической добыче золота (впрочем, как и многие небольшие российские компании).

**Сфера услуг.** Повсеместно в регионе китайский бизнес представлен микропредприятиями в сфере услуг (в основном кафе и гостиницами). Например, в Приморском крае, согласно официальной статистике, на них приходится 12% всех китайских предприятий<sup>16</sup>. В значительной мере они ориентированы на обслуживание самих китайцев – как проживающих на территории России (студентов, сезонных рабочих, бизнесменов, членов их семей), так и туристов.

Основной поток китайских туристов направляется в Приморский край и Амурскую область (соответственно 422 и 101 тыс. человек в 2018 г.) [27; 28]. С этим связана проблема, характерная и для России в целом, когда приезд и пребывание на российской территории китайских туристов контролируются

китайскими же предпринимателями, которые зачастую работают по схемам, выводящим финансовые потоки из-под российского контроля (например, с помощью китайских систем онлайн-платежей).

**Марикультура (производство морепродуктов).** Сегодня эта отрасль сконцентрирована преимущественно в Приморском крае, что обусловлено наиболее подходящими климатическими условиями и коротким логистическим плечом до основных рынков сбыта продукции (Китай, города Южного Приморья).

Общий объем продукции отрасли составляет около 20 тыс. т в год (гребешок, трепанг). Однако потенциал Дальнего Востока позволяет производить не менее 3 млн т марикультуры<sup>17</sup>. По оценкам специалистов Института биологии моря ДВО РАН, в перспективе весь этот объем может быть потреблен на российском рынке, но пока его большая часть экспортируется в Китай<sup>18</sup>. Что касается перспектив развития аквакультуры (искусственного производства пресноводной рыбы), то они заметно скромнее, что обусловлено как климатическими, так и технологическими факторами.

## КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ

Китайский капитал представлен преимущественно небольшими предприятиями в традиционных для ДВ отраслях, которые вряд ли смогут обеспечить опережающее экономическое развитие региона. По замыслу Минвостокразвития, повышению качественного уровня инвестиций из КНР будут способствовать особые экономические зоны, создаваемые на территории ДВ с 2015 г.

На 1 января 2019 г. на территориях опережающего развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток (СПВ) зарегистрировано соответственно 39 и 7 ПКК (3.6 и 2% от общего числа резидентов)<sup>19</sup>. Три четверти резидентов СПВ с китайским капиталом сконцентрированы в трех городах Приморского края – Владивостоке, Уссурийске и Артеме, остальные распределены по сельскохозяйственным и рыбохозяйственным районам Приморского или Хабаровского краев. Резиденты ТОР с китайским капиталом в основном сосредоточены в Амурской

<sup>17</sup> Для сравнения: мировой лидер – провинция Шаньдун в КНР – производит 5 млн т морепродуктов в год.

<sup>18</sup> Интервью с ученым ДВО РАН, 06.03.2019.

<sup>19</sup> К резидентам с китайским участием отнесены только те компании, в которых гражданин или компания КНР являются учредителями. В базу резидентов с китайским участием не включены такие предприятия, как ООО “Приморская золоторудная компания” и ООО “Корпорация Прим Хуньчунь”, которые публично позиционируют себя в качестве предприятий с китайским капиталом, но по учредительным документам они считаются полностью российскими.

<sup>15</sup> Интервью с чиновником муниципалитета в Амурской области, 26.02.2019.

<sup>16</sup> Информация “О сотрудничестве Приморского края с КНР”, получена в Администрации Приморского края по запросу авторов.

и Еврейской автономной областях (шесть из семи проектов).

Наиболее привлекательными сферами деятельности для китайских инвесторов стали переработка лесной, рыбной и сельскохозяйственной продукции, строительство, рыбоводство и сельское хозяйство, а также гостиничный бизнес (рис.). Проекты в ТОР относятся к обрабатывающим производствам либо к сфере транспорта и логистики.

За исключением пяти компаний, относящихся к малому и среднему бизнесу, все резиденты СПВ и ТОР с китайским капиталом – это микропредприятия. При этом лишь 1/3 резидентов СПВ (13 компаний) и почти все (кроме одного) резиденты ТОР зарегистрированы государственными органами КНР как проекты зарубежного инвестирования. Незарегистрированные проекты не могут напрямую получать инвестиции из Китая. В таких проектах могут использоваться теневые финансовые источники или фиктивные контракты приграничной торговли. В основном это контракты предпринимателей из приграничных с Приморьем провинций Хэйлунцзян и Цзилинь. Инвестиции же из развитых восточных регионов Китая практически отсутствуют.

Таким образом, ни количественно, ни качественно китайские инвестиции в особые экономические зоны Дальнего Востока пока не могут обеспечить прорыв в его социально-экономическом развитии. Как в СПВ, так и в ТОР, большая часть резидентов представлена компаниями, которые уже действовали на местном рынке к моменту создания особых экономических зон. Как показывают материалы интервью, получение статуса резидента было для них дополнительным бонусом, но никак не

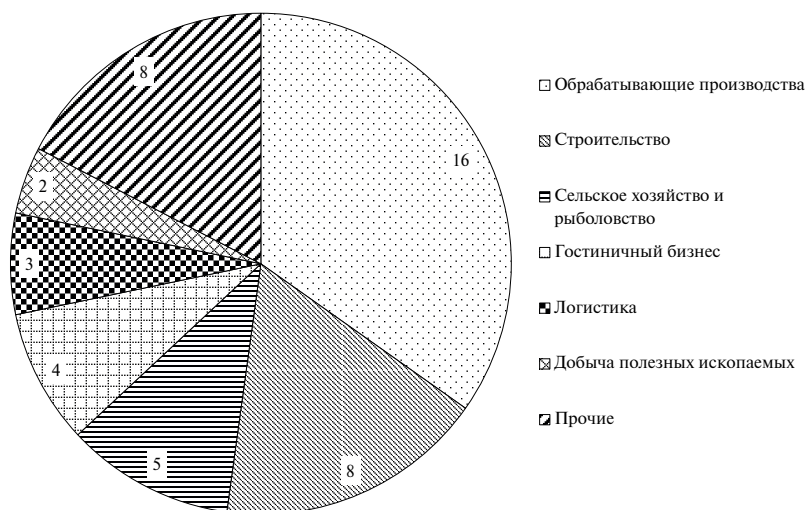
определяющим фактором для начала работы. Что же тогда влияет на привлечение китайского капитала и определяет успех/неуспех его деятельности?

### ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЙСКОГО КАПИТАЛА

Ключевым стимулом для привлечения иностранных инвестиций остается перспектива извлечения прибыли. Несмотря на распространенный стереотип об управляемой инвестиционной экспансии Китая, системных подтверждений работы бизнеса по указке Пекина нет. Усиление контроля над выводом капитала в последние годы сделало китайского инвестора более разборчивым в выборе зарубежных проектов для вложений. При этом политические декларации не оказывают существенного влияния на стратегию инвесторов.

ПКК стали значимым звеном в отдельных отраслях дальневосточного хозяйства и в некоторых районах, они играют заметную роль в формировании налоговой базы и увеличении занятости. Успешная деятельность китайского бизнеса на ДВ стала возможной благодаря привлечению китайской рабочей силы, налаживанию связей по выходу на обширный китайский рынок, доступу к дешевым кредитным ресурсам КНР.

**Рабочая сила.** Все китайские предприятия в регионе ориентируются на привлечение рабочей силы из Китая. Например, в 2019 г. в Приморье выдана квота на 6875 работников, из них 1995 человек (то есть почти 30%) были привлечены предприятиями с китайским капиталом [29]. Схожая ситуация наблюдалась и в предшествующие годы [30]. Почему



**Рис.** Отраслевое распределение резидентов с китайским капиталом в ТОР и СПВ, по состоянию на 01.01.2019, число компаний

Составлено на основе данных Корпорации по развитию Дальнего Востока.

же китайский капитал не хочет отказываться от ориентации на соотечественников при подборе кадров?

Конкурентные преимущества китайской рабочей силы чаще всего связывают с трудолюбием и дисциплинированностью китайцев. На самом же деле причины иные. Китайский работник – это вахтовик, готовый трудиться сверхурочно, выполнять любые тяжелые работы и жить в любых бытовых условиях. Предприниматель экономит на издержках не только за счет более интенсивного (чем у местного работника) труда. Привлечение рабочей силы из Китая позволяет избежать капитальных вложений в производственную инфраструктуру. Например, производственные издержки в китайских теплицах значительно ниже, поскольку работники проживают в подсобках на прилегающей территории. Кроме того, под видом рабочей силы могут использоваться “бригады” (иногда целые семьи), которые фактически являются самостоятельными хозяйствующими единицами, работающими на неформальном субподряде у того или иного предприятия [31].

Существующие ограничения на привлечение иностранной рабочей силы (ИРС) – один из основных факторов, сдерживающих приток китайских инвестиций на ДВ. Показателен опыт Амурской области, где в начале 2010-х годов обнулили квоту на ИРС в лесном и сельском хозяйстве. В результате присутствие ПКК в этих отраслях резко сократилось. Слепое копирование опыта Амурской области может привести к тому, что китайский бизнес частично или полностью уйдет из тех отраслей (тепличное растениеводство, рисоводство) и районов, которые невозможно обеспечить местной рабочей силой.

**Зависимость от китайского рынка.** Сегодня Китай – основной покупатель лесной и сельскохозяйственной продукции Дальнего Востока. В 2016–2018 гг. на него приходилось 97% дальневосточного экспорта древесины и 81–82% экспорта пиловочника. В 2018 г. 97% дальневосточной сои поставлялось в Китай [32]. Для таких регионов, как Амурская область и ЕАО, Китай является естественным торговым партнером, поскольку доступ к иным рынкам затруднен из-за длинного транспортно-го плеча. В других регионах ДВ предприниматели также не видят серьезной альтернативы китайскому покупателю.

Между российскими и китайскими предпринимателями исторически сложилась система доверительных связей, основанных на практиках условного или безусловного авансирования китайцами хозяйственной деятельности российской стороны, совместного контроля качества экспортируемой продукции, субаренды земель (в сельском хозяйстве), привлечения китайской рабочей силы. Сформировавшаяся система отношений обеспе-

чивает стабильность торговли с КНР. На альтернативных рынках существуют высокие технические барьеры входа, тогда как китайский рынок менее притязателен.

Недостатки китайской монополии очевидны. Импорт сои в КНР остается предметом квотирования [33]; импорт леса контролируется ограниченным кругом компаний<sup>20</sup>. Все это ставит российских производителей в уязвимое положение перед рисками возможного картельного сговора и ухудшения ценовой конъюнктуры.

**Дешевые кредиты.** Доступ к кредитным ресурсам в банках КНР – один из главных факторов конкурентоспособности китайских предприятий. Российские предприятия малого и среднего бизнеса не могут конкурировать с ними в плане покупки или лизинга техники, оборудования, сопутствующей продукции (удобрения, севоматериал и т.д.) и подчас вынуждены обращаться к тем же китайским компаниям за неформальным кредитованием. Такая практика широко распространена в лесном и сельском хозяйстве. Получая от китайского партнера кредит в начале сезона, российский сельский предприниматель вынужден расплачиваться за него урожаем по фиксированной, часто заниженной, цене.

Вместе с тем названные факторы (привлечение китайской рабочей силы, выход на обширный китайский рынок, расширение доступа к дешевым кредитным ресурсам КНР) постепенно теряют свою актуальность. Привлечение работников из КНР становится все более трудной задачей вследствие повышения уровня доходов в Китае и падения курса рубля относительно юаня. Меняется ситуация и с привлечением заемных средств. Российские предприниматели стали чаще использовать кредиты российских банков, правда, сдерживающим фактором здесь остается высокая процентная ставка<sup>21</sup>. Зависимость от китайского рынка будет снижаться и вследствие ужесточения ограничений в сфере поставок круглого леса со стороны российского государства.

\*\*\*

В дискуссиях о плюсах и минусах китайских инвестиций на российском Дальнем Востоке преувеличиваются как позитивные ожидания, так и потенциальные опасности. Результаты отраслевого и территориального анализа свидетельствуют о заметном, но отнюдь не доминирующем положении китайского капитала в традиционных для экономики ДВ сферах. Новые инструменты развития региона – территории опережающего развития,

<sup>20</sup> Интервью с предпринимателем в Приморском крае, 05.02.2019.

<sup>21</sup> Интервью с предпринимателем в Приморском крае, 07.02.2019.



Свободный порт Владивосток – пока не оказывают значимого влияния на его активность.

Наибольшая активность бизнеса из КНР отмечается в ЕАО, что не в последнюю очередь обусловлено изначально низким уровнем развития экономики этого региона. В последние годы трудности в привлечении китайской рабочей силы, снижение зависимости российских лесозаготовителей и фермеров от теневого кредитования китайскими предпринимателями, усиление регулирующего воздействия российского государства и приход на Дальний Восток крупного федерального биз-

неса значительно ослабили конкурентные преимущества китайского капитала. Таким образом, есть основания полагать, что уже в ближайшие годы масштаб деятельности китайских компаний на Дальнем Востоке не только не увеличится, но и, скорее всего, сократится.

**Раздел статьи “Китайские инвестиции в особых экономических зонах” выполнен при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00030 “Политико-административные проблемы управления ускоренным развитием: история особых экономических зон на Дальнем Востоке России в 1990–2010 годы”).**

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. 2018年我国对外全行业直接投资简明统计 [Brief Statistics on China's Outward Direct Investment in 2018. (In Chin.)] Available at: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/ydjm/jwtz/201901/20190102829090.shtml> (accessed 25.03.2019).
2. *Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual*. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740> (accessed 25.03.2019).
3. 习近平会见俄罗斯总理梅德韦杰夫 [Xi Jinping Meets with Russian Prime Minister Medvedev. (In Chin.)] Available at: <https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/t1475315.shtml> (accessed 25.03.2019).
4. *2017 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment*. Beijing, 2018. 157 p. Available at: <http://images.mofcom.gov.cn/fec/201810/20181029160824080.pdf> (accessed 25.03.2019).
5. Makino S., Tsang E. Historical Ties and Foreign Direct Investment: an Exploratory Study. *Journal of International Business Studies*, 2011, vol. 42, no. 4, pp. 545-557. DOI: 10.1057/jibs.2010.53
6. Tsang E., Yip P. Economic Distance and the Survival of Foreign Direct Investments. *Academy of Management Journal*, 2007, vol. 50, no. 5, pp. 1156-1168. DOI: 10.2307/20159917
7. Кулешов В.Н. и др. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества. *Проблемы Дальнего Востока*, 2010, № 6, сс. 62-69. [Kuleshov V.N. et al. O nekotorykh aspektakh sovershenstvovaniya rossiisko-kitaiskogo mezhregional'nogo sotrudnichestva [Some aspects of the improving Russian-Chinese inter-regional cooperation]. *Far Eastern Affairs*, 2010, no. 6, pp. 62-69.]
8. Новопашина А.Н. Региональное распределение иностранного капитала в России: пример прямых китайских инвестиций. *Регионалистика*, 2015, т. 2, № 4, сс. 59-76. [Novopashina A.N. Regional'noe raspredelenie inostrannogo kapitala v Rossii: primer pryamykh kitaiskikh investitsii [Regional distribution of foreign capital in Russia: case of FDI from China]. *Regionalistika*, 2015, vol. 2, no. 4, pp. 59-76.]
9. Рыжова Н.П. Инвестиционная компонента корпоративной интеграции Китая и России. *Пространственная экономика*, 2011, № 3, сс. 24-39. [Ryzhova N.P. Investitsionnaya komponenta korporativnoi integratsii Kitaya i Rossii [Investment aspect of corporative integration between China and Russia]. *Spatial Economics*, 2011, no. 3, pp. 24-39.]
10. *Региональная программа Хабаровского края “Развитие приграничных территорий Хабаровского края”*. [Regional program of Khabarovsk Krai “Development of the border areas of the Khabarovsk Krai”. (In Russ.)] Available at: <https://minvr.ru/activity/kompleksnoe-razvitie-territoriy/razvitie-prigranichnykh-territoriy/> (accessed 25.03.2019).
11. *Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области до 2030 года*. [The strategy of socio-economic development of Jewish Autonomous Oblast until 2030. (In Russ.)] Available at: <http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda-2/> (accessed 25.03.2019).
12. *Реестр предприятий, получающих прямые иностранные инвестиции*. [List of companies with direct foreign investments. (In Russ.)] Available at: [https://www.cbr.ru/statistics/direct\\_investments/Reestr2019.xlsx](https://www.cbr.ru/statistics/direct_investments/Reestr2019.xlsx) (accessed 25.04.2019).
13. *Китайские инвесторы намерены реализовать на Дальнем Востоке проекты на \$30 млрд*. [Chinese investors on the Far East plan to realize projects at 30 Billion USD (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/business/602706> (accessed 25.04.2019).
14. *我市10个境外园区被认定为省级以上园区* [Ten Overseas Cooperation Zones of Mudanjiang City Were Approved as National- or Provincial-level zones. (In Chin.)] Available at: [http://www.mdj.gov.cn/shizheng/djyw/201812/t20181206\\_265839.html](http://www.mdj.gov.cn/shizheng/djyw/201812/t20181206_265839.html) (accessed 25.04.2019).
15. *Китайская экспансия: район Лазо рискует стать Чайна-тауном*. [Chinese expansion: Lazo rayon is in peril of becoming a Chinatown. (In Russ.)] Available at: <https://www.dnvnovosti.ru/khab/2018/05/08/82520/> (accessed 25.04.2019).
16. *70% овощей в Приморье выращивают иностранцы*. [70% of vegetables in Primorye is produced by foreigners. (In Russ.)] Available at: <https://www.news1.ru/vlad/2014/03/31/122300/#ixzz2xafwpEIO> (accessed 25.04.2019).
17. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018*. Москва, Росстат, 2018. 1162 с. [Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018 [Russia's regions. Social and economic statistics. 2018]. Moscow, Rosstat, 2018. 1162 p.]
18. *Социально-экономическое положение Приморского края: Доклад*. Владивосток, Приморскстат, 2019. 92 с. [Economic and social situation in Primorsky Krai: report. Vladivostok, 2019. 92 p. (In Russ.)]

19. Зуенко И.Ю., Сонин В.В. Правовые ограничения и неформальные практики землепользования китайских фермеров на Дальнем Востоке России. *Правоприменение*, 2017, № 1(1), сс. 57-65. [Zuenko I. Yu., Sonin V.V. Pravovye ogranicheniya i neformalnye praktiki zemlepol'zovaniya kitajskih fermerov na Dal'nem Vostoke Rossii [Legal restrictions and informal land use practices of Chinese farmers on the Russian Far East]. *Pravoprimenenie*, 2017, no. 1(1), pp. 57-65.] DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).57-65
20. *Информация о сотрудничестве Еврейской автономной области и Китайской Народной Республики*. [Information about cooperation between Jewish Autonomous Oblast and People's Republic of China. (In Russ.)] Available at: <http://www.eao.ru/archive/ekonomika/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/sotrudnichestvo-eao-i-kr/> (accessed 25.04.2019).
21. *Китайцы контролируют 80% сельхозугодий ЕАО*. [Chinese farmers control 80% of agriculture lands in Jewish Autonomous Oblast. (In Russ.)] Available at: <https://eaomedia.ru/news/445017/> (accessed 25.04.2019).
22. Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы. *Известия Восточного института*, 2015, № 2(26), сс. 51-59. [Zuenko I. Yu. Kitaiskoe prisutstvie v sel'skom hozyaistve Dal'nego Vostoka: nekotorye aspekty problemy [Chinese presence in the Far East agriculture: some aspects]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*, 2015, no. 2(26), pp. 51-59.]
23. Грибова С.Н. Забайкальский край и Китай в торговле лесом: новые подходы. *Пространственная экономика*, 2008, № 4, сс. 139-152. [Gribova S.N. Zabaikal'skii kraj i Kitai v torgovle lesom: novye podkhody [Zabaykalsky kraj's trade with China: new approaches]. *Spatial Economics*, 2008, no. 4, pp. 139-152.]
24. *Реестр пункта приема древесины на территории Приморского края*. [List of timber receiving points in Primorsky Krai. (In Russ.)] Available at: <https://www.primorsky.ru/upload/medialibrary/63a/63a648f6fe8c71b28d01c36e47534539.xls> (accessed 25.04.2019).
25. *Компания "Хэмэн-Дальний Восток" инвестировала 1 млрд в освоение Южно-Хинганского месторождения*. [Hemeng Dalniy Vostok Company invested 1 Billion into Yuzhno-Khinganskoye manganese field. (In Russ.)] Available at: <http://www.lsn.ru/171218.html> (accessed 25.04.2019).
26. *Китайская компания не справилась с добычей руды в ЕАО*. [Chinese company failed to mine in Jewish Autonomous Oblast. (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2015/08/13/reg-dfo/ruda.html> (accessed 25.04.2019).
27. *Рекордное число иностранных туристов посетили Приморье в 2018 году*. [Record amount of foreign tourists visited Primorye in 2018. (In Russ.)] Available at: <https://www.primorsky.ru/news/156246/> (accessed 25.04.2019).
28. *За год в Амурскую область въехали более 100 тыс. туристов из Китая*. [More than 100 thousands of Chinese tourists visited Amur oblast last year. (In Russ.)] Available at: <http://www.visit-russia.ru/news/za-god-v-amurskuyu-oblast-vehalibolee-100-tys-turistov-iz-kitaya> (accessed 25.04.2019).
29. *Интерактивный портал Департамента труда и социального развития Приморского края*. [Interactive Portal of Department of the Labor and Social Development of Primorsky Krai. (In Russ.)] Available at: [https://soctrud.primorsky.ru/content/иностранная\\_рабочая\\_сила](https://soctrud.primorsky.ru/content/иностранная_рабочая_сила) (accessed 25.04.2019).
30. Иванов С.А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 2014, № 4, сс. 35-46. [Ivanov S.A. Migratsiya kitaiskogo kapitala i truda v Primorskom krae [Chinese capital and labor migration in Primorsky territory]. *Oikumena. Regional Researches*, 2014, no. 4, pp. 35-46.]
31. Zhou J. Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, vol. 1, no. 5, pp. 612-632. DOI: 10.1080/23802014.2016.1327795
32. *Таможенная статистика внешней торговли*. [Custom Statistic of Foreign Trade. (In Russ.)] Available at: <http://stat.customs.ru> (accessed 25.04.2019).
33. *中华人民共和国国家发展和改革委员会报告* [Report of PRC State Commission for Development and Reform. (In Chin.)] Available at: <http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbgg/201710/W020171026582885468655.pdf> (accessed 25.04.2019).

### CHINESE INVESTMENTS IN THE RUSSIAN FAR EAST

(*World Economy and International Relations*, 2019, no. 11, pp. 105-113)

Received 24.06.2019.

Ivan Yu. ZUENKO ([zuenko@ihaefe.ru](mailto:zuenko@ihaefe.ru)),

The Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, 89, Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation.

Sergei A. IVANOV ([ivanovs@ihaefe.ru](mailto:ivanovs@ihaefe.ru)),

The Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, 89, Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation.

Anatolii E. SAVCHENKO ([savchenko@ihaefe.ru](mailto:savchenko@ihaefe.ru)),

The Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, 89, Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation.

*Acknowledgments.* The article's section "Chinese investment in special economic zones" is accomplished under the financial support of Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-09-00030 "Political and Administrative Challenges of Accelerated Development: History of Special Economic Zones in Russian Far East in 1990–2010s").



*The article analyses the scope, sectoral distribution and key features of Chinese economic activity in the boundary regions of the Russian Far East. Since Chinese investment is a highly controversial topic exploited by mass media and politicians, the research combines quantitative study of Russian and Chinese official statistics and qualitative analysis based on semi-structured interviews with involved officials, businessmen, and experts. Such an approach helps to look beyond official or alarmist representations and provides a more comprehensive picture. Our research shows that four southern regions of the Far East demonstrate different patterns of Chinese economic activity depending on historical background and level of economic development. The strongest positions of Chinese capital can be found in the agriculture of the Jewish Autonomous Oblast, where the economic dependency on the Chinese market is most visible. But, in general, the Chinese investments are micro- and small businesses which are vulnerable to local protectionism and changes in cross-border economic conditions (primarily exchange rate) and legal treatment. The new administrative tools for attracting investment in the region (Free Port of Vladivostok, Territories of Advanced Economic Development) still haven't implied a visible effect on the activity of Chinese investors. Opportunities and challenges derived from Chinese investment are usually exaggerated in official and expert discourse. The article argues that important factors of Chinese economic activity in traditional spheres of Far Eastern economy are fading away. Reducing capacity to exploit Chinese labor, the more protectionist economic policy of the regional authorities and increasing competition from large Russian businesses are closing the window of opportunities not only for expansion but also for keeping current economic positions. Nowadays, Chinese investors face the challenge of transforming their activity and seeking new spheres for business.*

*Keywords: Russia, China, Far East, investment, Chinese capital, regional development.*

*About authors:*

*Ivan Yu. ZUENKO, Research Fellow.*

*Sergei A. IVANOV, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher.*

*Anatolii E. SAVCHENKO, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher.*

**DOI:** 10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113